

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья В. И. Борщук ова

Приближается 50-летие Советской власти — большой праздник не только нашего общественного строя, но и нашей литературы. За сравнительно короткий исторический срок в советской стране выросла новая литература, поистине открывшая новый этап в художественном развитии всего человечества.

Героическая борьба народа за построение социалистического общества, его огромные жертвы в этой борьбе, духовное и нравственное формирование советского человека, характер и воля которого закалялись в исторических битвах,— все это нашло правдивое и яркое отражение в советской литературе.

Отблеск великих событий лежит на страницах лучших книг, созданных советскими писателями. По этим книгам можно изучать нашу эпоху, можно проследить путь, пройденный народом — от первых схваток с царизмом до полной победы социализма в СССР. И самое ценное, что в них есть — это люди, характеры которых раскрываются в борьбе, в острых конфликтах и столкновениях, в жажде духовного роста.

Советская литература унаследовала от литературы прошлого широкий охват действительности, бесстрашную правдивость, психологическую глубину в раскрытии человеческих характеров, тонкое мастерство в изображении людей и событий, страстную защиту народных интересов. Но, борясь за осуществление социалистических идеалов, советская литература впервые в истории могла с такой полнотой раскрыть источники народного героизма, отобразить действительность в ее непрерывном революционном развитии, показать человека в действии, в борьбе за переустройство жизни.

Творческий метод советской литературы, с которым связаны крупнейшие достижения наших писателей, был завоеван и выстрадан в ожесточенных схватках с многочисленными идейными противниками. Его основополагающие принципы утверждались в длительной и тяжелой борьбе.

Советским писателям приходилось для отражения новой действительности и новых людей постоянно искать новые приемы и средства художественного творчества. Страстные поиски нужных слов и красок не всегда вознаграждались удачей, но коллективные усилия советских литераторов делали свое дело: социалистический реализм, заявивший о себе в творчестве М. Горького, все больше и больше укреплял свои позиции, воплощаясь в лучших произведениях советской литературы.

Социалистический реализм развивается вместе с быстро меняющейся действительностью, приобретая новые качества и, нередко, новые формы. Каждый крупный советский писатель своеобразием и неповторимостью своего дарования вносил и вносит что-то новое в развитие творческого метода нашей литературы. Так, подобно могучему потоку, обретающему силы от слияния множества ручейков, растет и развивается многонациональная советская литература.

За свою полувековую историю советская литература накопила богатейший идейно-художественный опыт. В нем сконцентрированы усилия нескольких поколений советских писателей, своим трудом и талантом создавших великую литературу, новаторскую по содержанию и форме, многообразную по яркости творческих индивидуальностей.

Советская литература имеет уже свою историю, которая нуждается в глубоком изучении и осмыслении. Задача эта далеко не из легких, ибо многие процессы в нашей литературе еще не завершены, не устоялись. Но тем не менее наша литературная наука достигла известных успехов.

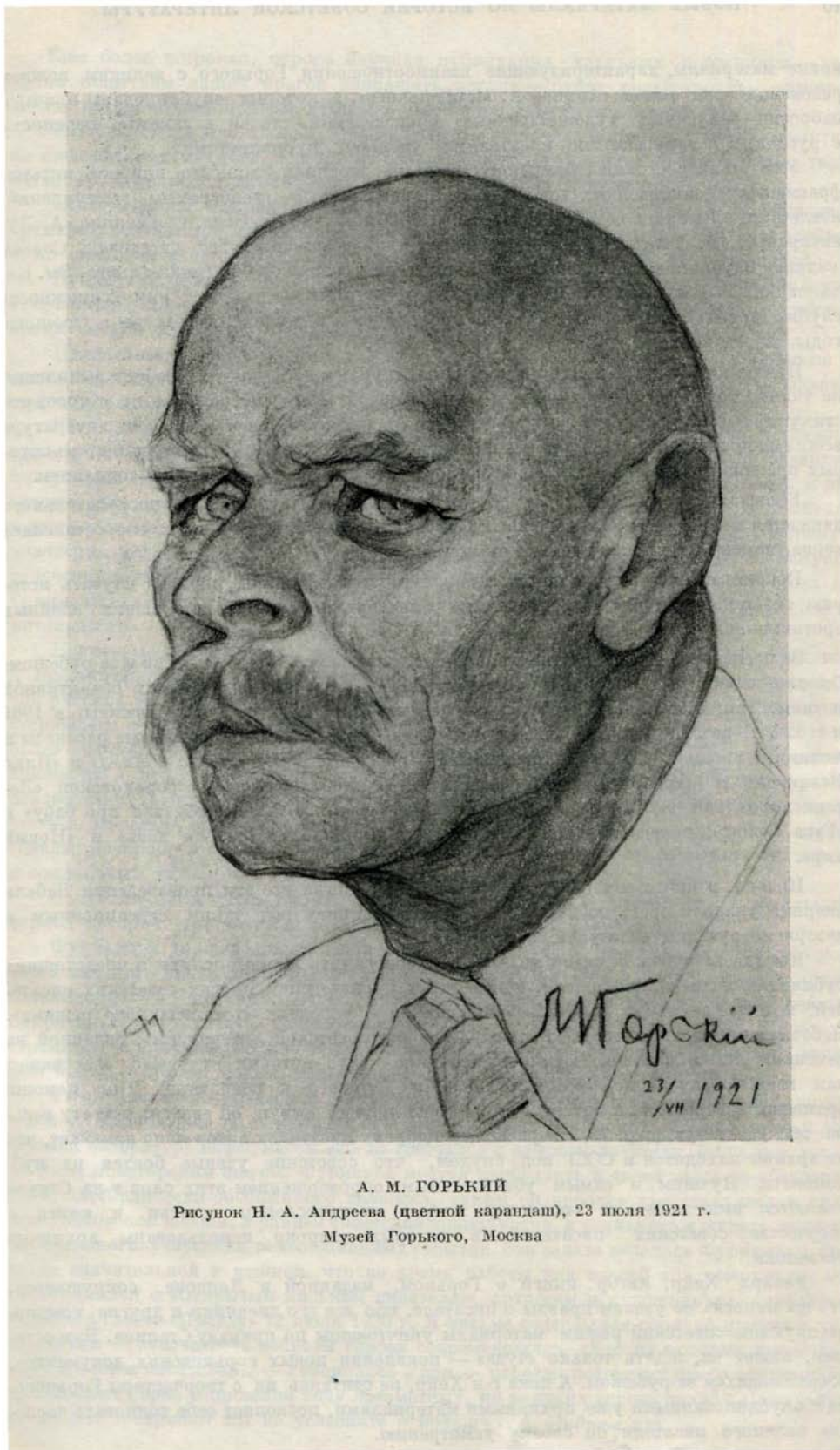
Об этом свидетельствуют появившиеся в последние годы монографии о творчестве крупнейших советских писателей, теоретические исследования, посвященные различным проблемам советской литературы, двухтомная (университетская) и трехтомная (академическая) «Истории русской советской литературы», очерки истории национальных литератур Советского Союза. В настоящее время завершаются фундаментальные труды по истории советской журналистики, поэзии и драматургии. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями страны приступил к созданию пятитомной истории всей многонациональной советской литературы.

С каждым годом изучение истории советской литературы становится все более глубоким и серьезным. Правдивость и объективность в оценке историко-литературных явлений все решительнее вытесняют субъективизм и произвольное толкование всем известных фактов. Например, если раньше в некоторых работах литературные группировки 20-х годов рассматривались суммарно и трактовались, в основном, как враждебные советской литературе, то в настоящее время во многих литературоведческих трудах эти группировки, их манифесты и программы оцениваются дифференцированно, с учетом конкретно-исторических условий, в которых они возникли. Ведь пестрота и зыбкость эстетических программ различных литературных группировок отражали не только сложность общественно-политической обстановки того времени, но и мучительный процесс поисков нашей литературой новых эстетических принципов, новых средств художественного осмысления действительности. Перефразируя известные ленинские слова о марксизме, можно сказать, что советская литература действительно выстрадала свои эстетические позиции и свой художественный метод. В группировках тех лет участвовали многие литераторы, ставшие впоследствии в первые ряды советских писателей. При этом их творческая практика часто была значительно шире платформ, существовавших в то время в литературе. Со всеми этими фактами истории советской литературы обязаны считаться, чтобы создать подлинно правдивую картину развития нашей литературы.

XX и XXII съезды Коммунистической партии и те благотворные перемены, которые произошли в общественной жизни страны, положили начало новому этапу в изучении истории советской литературы. Широко открылись возможности по-новому взглянуть на творчество тех или иных писателей, на литературный процесс в целом. Постепенно исчезают догматическое толкование отдельных периодов в истории советской литературы, узость и односторонность в освещении историко-литературных явлений, несправедливость в оценке творчества некоторых писателей. Восстановлено доброе имя многих крупных художников слова, в свое время репрессированных и вычеркнутых из истории советской литературы.

После XX съезда партии стали доступными архивные материалы, которые десятилетиями лежали неиспользованными. Стала возможной публикация большого количества документов, серьезно обогативших историю советской литературы. Отличительной чертой ряда работ о советской литературе последнего времени является широкое и смелое привлечение новых материалов, показывающих всю сложность и нередко противоречивость пути, по которому шло развитие советской литературы и творчество отдельных писателей.

За последние шесть-семь лет появились ценнейшие публикации из архивов выдающихся советских художников слова. Особое место среди них занимают такие издания, как сборник «В. И. Ленин и А. М. Горький» (издан дважды), куда вошли

А. М. ГОРЬКИЙ

Рисунок Н. А. Андреева (цветной карандаш), 23 июля 1921 г.

Музей Горького, Москва

новые материалы, характеризующие взаимоотношения Горького с великим вождем революции, ряд томов «Архива А. М. Горького», в которых опубликованы плачи и наброски различных художественных произведений, статьи и заметки, переписка с русскими и зарубежными писателями, учеными, журналистами.

Уже стали достоянием широкого читателя дневники, записные книжки, письма, фрагменты незаконченных произведений, неизвестные стенограммы выступлений, извлеченные из архивов А. Серафимовича, А. Блока, В. Брюсова, С. Есенина, А. Луначарского, А. Толстого, Дм. Фурманова, А. Фадеева и других писателей. Совсем недавно опубликованы дневники и письма А. Довженко, Вс. Вишневского, Эм. Казакевича, Г. Николаевой. Эти живые и яркие материалы дают нам возможность глубже понять те процессы, которые происходили в нашей литературе в прошлые годы, объективнее подойти к тому, что было.

Подлинно научный подход к историко-литературным фактам требует выявления не только того, что задерживало и тормозило развитие литературы, но и того, что стимулировало и двигало ее вперед. Нельзя забывать, что в нашей литературе всегда появлялись новые имена и книги, художественные произведения, в которых правдиво отражалась тяжелая и героическая борьба народа за социализм.

Большая советская литература никогда не прерывала своего поступательного движения вперед. Даже в невероятно трудных и сложных условиях она оставалась верна народу, великим идеям коммунизма.

Поиски и публикация новых литературных материалов, помогая изучать историю советской литературы, позволяют опровергать измышления наших идейных противников.

За последнее время появились новые публикации не только у нас, но и за рубежом. Однако не всегда такие публикации осуществляются там в интересах объективной истины. Так, в Италии, в миланском издательстве Фельтринелли, дважды, в 1961 и 1962 гг., вышла книга И. Бабеля с необычным заглавием «Запрещенные рассказы и интимные письма». Среди «запрещенных» — рассказы «Мама, Римма и Алла» и «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна», опубликованные еще в горьковской «Летописи» в 1916 г., рассказы «Баграт-оглы и глаза его быка», «Сказка про бабу» и «Гапа Гужва», напечатанные в свое время в журналах «Красная новь» и «Новый мир».

Правда, в книге сам издатель указал, где и когда все эти произведения Бабеля впервые увидели свет, но зачем же выпускать книгу под таким сенсационным и дезориентирующим читателей названием?

Кое-где за рубежом стало модным распространять лживые слухи о предстоящих публикациях дневников, писем, неизвестных произведений многих советских писателей, которые покажут «трагедию» художника в условиях «тоталитарного режима». Небезызвестный Глеб Струве в книге «История советской литературы», изданной на немецком языке в Мюнхене, пишет, например, что историк будущего «расскажет нам всю правду о подлинном отношении Горького к революции. При помощи архивных материалов, к которым он получит полный доступ, он осветит нам эту весьма темную тему» (стр. 75). В разделах о других писателях автор явно намекает, что их архивы находятся в СССР под спудом, что советские ученые боятся их публиковать. Лучшим и самым убедительным опровержением этих слов г-на Струве являются вышедшие за последние годы многочисленные статьи и книги о творчестве советских писателей, в которых широко использованы архивные источники.

Ричард Хейр, автор книги о Горьком, изданной в Лондоне, сокрушается, что мы никогда не узнаем правды о писателе, ибо все его дневники и другие компрометирующие советский режим материалы уничтожены по приказу Сталина. Нам остается, пишет он, ждать только «чуда» — появления новых горьковских документов, сохранившихся за рубежом. А пока г-н Хейр, не считаясь ни с творчеством Горького, ни с опубликованными уже архивными материалами, позволяет себе толковать наследие великого писателя по своему усмотрению.

Еще более широкая, строго научная публикация архивных источников — вопреки попыткам наших врагов извращать истину — будет содействовать утверждению исторической правды в оценке прошлого советской литературы.

Пока сделаны еще только первые шаги в обнародовании важнейших документов из писательских архивов. Предстоит большая и трудная работа по выявлению, тщательному изучению и публикации все новых и новых материалов.

«Литературное наследство» стремится к систематическому отбору и изучению архивных материалов, чтобы представить их в органической связи с общими проблемами развития советской литературы, творчества различных ее представителей.

Публикации, помещенные в настоящем томе, расширяют наше представление о процессе развития советской литературы, знакомят с идеями и образами, в свое время по тем или иным причинам не дошедшими до читателя.

Неизданные произведения и рукописи советских писателей, собранные в книге, показывают многообразие и богатство советской литературы, развивающейся в сложных исторических условиях, преемственность ее идей.

Эти материалы не только увеличивают количество фактов, интересных и важных для изучения данного писателя, но и раскрывают какие-то новые стороны в развитии литературы определенного периода. Здесь и неизвестная пьеса Д. Фурманова, и заготовки для неосуществленной повести В. Вересаева, и произведения И. Бабеля, и стихотворения в прозе А. Веселого, которого читатели хорошо знают по широким эпическим полотнам, и путевой дневник И. Ильфа, и роман Е. Петрова о коммунистическом обществе, и философская поэзия В. Луговского, и забытый рассказ А. Грина, очень существенный для понимания его отношения к революционной действительности.

Некоторые публикуемые тексты относятся еще к предреволюционному времени, к предыстории советской литературы. Таковы тетради Вересаева с записями о первой русской революции. В новом свете предстает важный период творческого пути старейшего русского советского писателя. Известно, что Вересаев посвятил свои наиболее значительные произведения изображению важнейших этапов революционного движения в России. Пропущенным звеном оказывался 1905 год. Публикация ранее неизвестных материалов к повести о первой русской революции восполняет этот пробел. Писатель задумал большую повесть, по сохранившимся наброскам и зарисовкам которой мы ясно представляем себе его отношение к событиям тех лет и к социальным силам, осуществлявшим революцию.

С публикуемым здесь произведением Фурманова мы вступаем уже в начальный период истории литературы, рожденной Октябрьской революцией.

Фурманова хорошо знают как автора прославленной повести «Чапаев». Но вот перед нами его неизвестная пьеса «За коммунизм». Над этой пьесой (первоначальное название ее — «Коммунисты») он работал еще во время гражданской войны. Закончил ее в 1921 г. По названию пьесы можно судить о ее содержании. Писатель стремится отобразить героиню гражданской войны, показать трудности борьбы, военный быт и, главное, новых людей, родившихся в огне суровых сражений.

Уже одним своим замыслом Фурманов ломал некоторые литературные «традиции» тех лет. Выдвижение на первый план человека-борца в условиях, когда в ранней советской литературе пафос массы еще не сочетался с пафосом личности, было, поистине, смелым, новаторским шагом. Фурманов мечтал изобразить в своей пьесе не абстрактного, алгебраически-обобщенного человека, каким он нередко представлялся в пролеткультовской поэзии, в ранней советской драматургии, а реального и живого человека, активного участника революционных событий. Эта задача казалась Фурманову тем более значительной и важной, что во время работы над пьесой «За коммунизм» он познакомился с «Открытым письмом писателям, артистам и художникам», опубликованным в газете «Правда» 12 июня 1920 г. В письме содержался горячий призыв к художникам — запечатлеть «образы героев современности». «Кто из молодых пролетарских поэтов и писателей... — говорилось в нем, — передал потомству имена замученных на Красной Горке в прошлом году незаметных, но великих героев духа?.. Надо ехать на фронт, товарищи! Вы не услышите о подвигах, а увидите их».

Дм. Фурманов не только видел подвиги, ежедневно совершаемые на фронте, но и сам участвовал в них, вдохновлял примером и словом тысячи незаметных героев, великих и сильных своим революционным духом.

Еще задолго до появления в советской литературе получивших всеобщее признание образов коммунистов — Чапаева, Клычкова, Кожуха, Левинсона и других — Фурманов озабочен тем, чтобы запечатлеть необыкновенные черты людей, назвавших себя коммунистами, показать их мужество, самоотверженность, бескорыстие, духовную силу и нравственную чистоту. Так, под пером писателя возникают образы военкома Дубровина, вестового военкома — Купри, санитарки Марфы и др. По первоначальным наброскам, вариантам и записям видно, что Дм. Фурманов хотел включить в пьесу и образ Чапаева, которого он хорошо знал лично, но, очевидно, желание написать о Чапаеве отдельное произведение заставило его отказаться от этого.

Образ военкома Дубровина в пьесе «За коммунизм» во многом автобиографичен. В нем сосредоточены мысли автора об исторических событиях, в которых он активно участвовал, о людях, с которыми он бок о бок сражался, о партии, благородные цели которой всегда вдохновляли его.

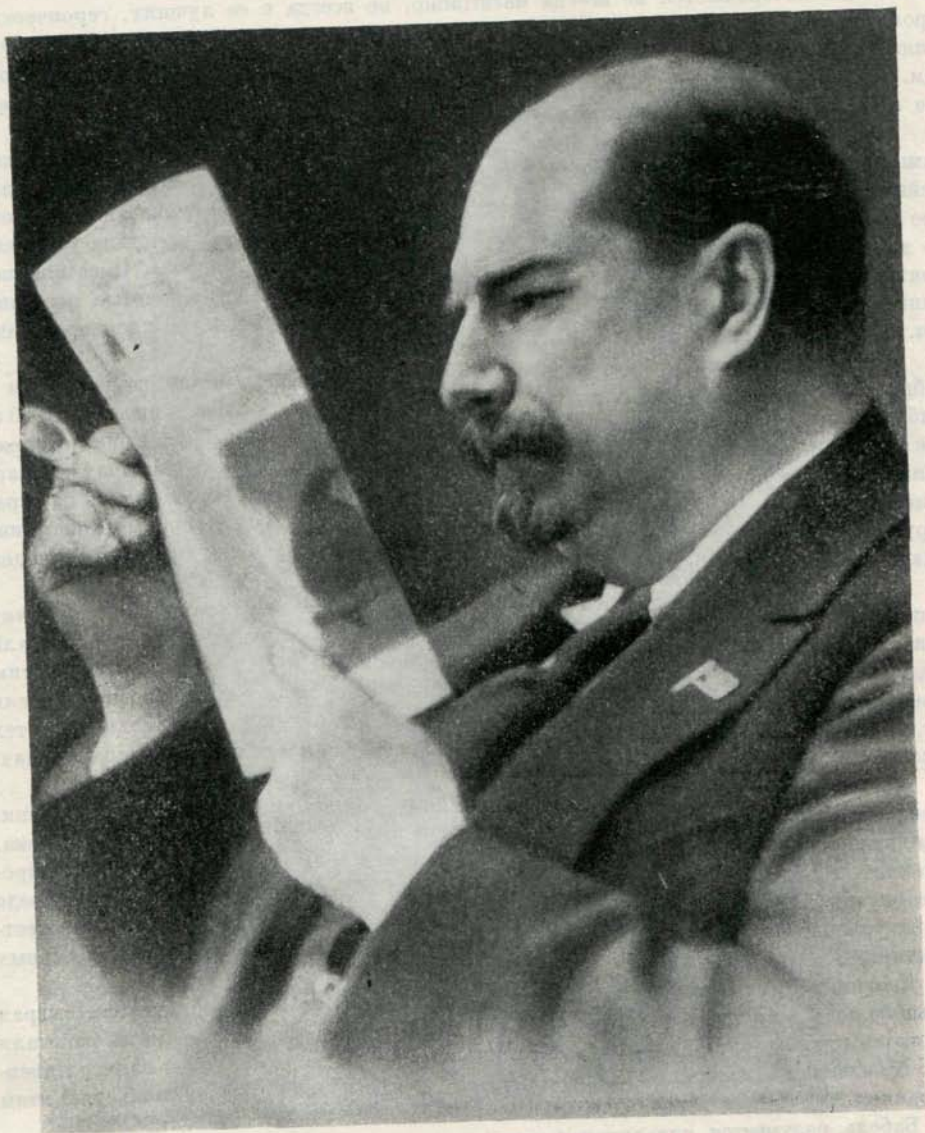
Не менее ярок и колоритен образ коммунистки Марфы. В ее словах о революции, о партии, о людях много подлинно народной мудрости. В правдивом образе Марфы Фурманов одним из первых в советской литературе воплотил черты новой женщины, живущей интересами революции, революционной борьбы.

Фурманов в своей пьесе, во многом подготовившей повесть «Чапаев», ставит вопросы о рождении в боях за Советскую власть нового человека, новой морали, новых взаимоотношений между людьми.

Пьеса «За коммунизм», несмотря на ее художественное несовершенство и некоторую декларативность, имеет большое историко-литературное значение. Она позволяет подойти по-новому к вопросу о формировании образа коммуниста в ранней советской литературе. Если до сих пор считалось, что образ коммуниста впервые был показан в таких произведениях, как «Неделя» Ю. Либединского (1922) или «Шоколад» А. Тарасова-Родионова (1922), то сейчас, после публикации неизвестной пьесы Фурманова, становится ясным, что этот образ фактически возник в литературе еще в годы гражданской войны. Кроме того, в названных произведениях коммунисты нередко изображались односторонне, отвлеченно, чаще всего одиночками, а подвиг их — жестокой и страшной жертвой (см. «История русской советской литературы», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 68). Фурманов совсем по-иному подошел к изображению коммунистов. Он увидел в них людей нового типа, мужественных и храбрых, кровно связанных с народными массами. И в пьесе Фурманова гибнут коммунисты за великое дело революции, но в ней нет пафоса жертвенности, нет романтической идеализации одиночества коммунистов и их оторванности от народа.

Когда появилась «Неделя» Ю. Либединского, Д. Фурманов совсем не случайно критиковал ее за «индивидуалистическую постановку самого сюжета». Недостаток повести он видел прежде всего в том, что в ней нет массы, без которой нельзя изобразить крупные, значительные характеры. Фурманов, учитывая свой собственный творческий опыт и ошибки своих современников в изображении новых людей, коммунистов, сумел уже в «Чапаеве» показать формирование деятеля революции в единстве с массой, а не изолированно от нее. Он один из первых в советской литературе отразил самый процесс рождения положительного героя в первые годы революции. Если бы пьеса «За коммунизм» была в свое время опубликована, она, вероятно, могла бы стать важным этапом не только в творчестве Фурманова, но и в развитии советской литературы.

Если сопоставить некоторые новые материалы И. Бабеля, публикуемые в настоящем томе, с пьесой Д. Фурманова «За коммунизм», то станет еще более очевидным различие идейно-художественных позиций писателей. Оба они осмысливали и отображали по существу одни и те же исторические события, один и тот же жизненный материал, но если у Фурманова революция — это закономерный исторический процесс,

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Фотография, 1920-е годы

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

а участники революционных событий — активные и сознательные деятели, то у Бабеля революция изображается не всегда масштабно, не всегда в ее лучших, героических проявлениях. Вот почему в его произведениях, при всех их достоинствах, по замечаниям Фурманова, «нет боев», «нет массы», «нет подлинных коммунистов» (см.: Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1961, стр. 414—415, а также публикацию «Фурманов и Бабель» в настоящем томе).

Появление фурмановского «Чапаева» (1923) не могло не повлиять на творческие замыслы Бабеля, мечтавшего создать книгу о гражданской войне, о славных конармейцах. И нет ничего удивительного в том, что повесть Фурманова, оказавшая огромное воздействие на последующее развитие всей советской литературы, стала у Бабеля во время его работы над «Конармией» настоящей «настойльной книгой». Писатель сам признавался, по воспоминаниям Фурманова, что «Чапаев» — это золотые россыпи, книга исключительная, настольная книга у него, по которой он учится непрестанно (см. Дм. Фурманов. Собр. соч., т. 4, стр. 343).

В предисловии к разделу, посвященному Бабелю, и в примечаниях к планам и наброскам к «Конармии» часто цитируется неизвестный прежде дневник писателя 1920 г. Наблюдения и настроения писателя периода гражданской войны, нашедшие отражение в дневниковых записях, впоследствии воплотились в образах и картинах «Конармии». Здесь фигурируют многие герои, которые обрели полнокровную жизнь на страницах известного произведения. В отрывках дневника будущие герои «Конармии» окружены всеми контрастами социального бытия того времени, пестрым укладом жизни разных народов, разных культур.

Знакомство с новыми материалами Бабеля опровергает традиционную точку зрения, что в «Конармии» главное — это автор и его мироощущение. Об этом писали в свое время А. Воронский, В. Полянский, В. Полойский и др. И в наши дни эту версию поддерживали некоторые критики. Изучение дневниковых записей и набросков Бабеля позволяет установить более тесную связь книги с реальной действительностью тех лет, показывает, что «Конармия» — это книга не о себе, а прежде всего о конармейцах, о событиях и фактах гражданской войны.

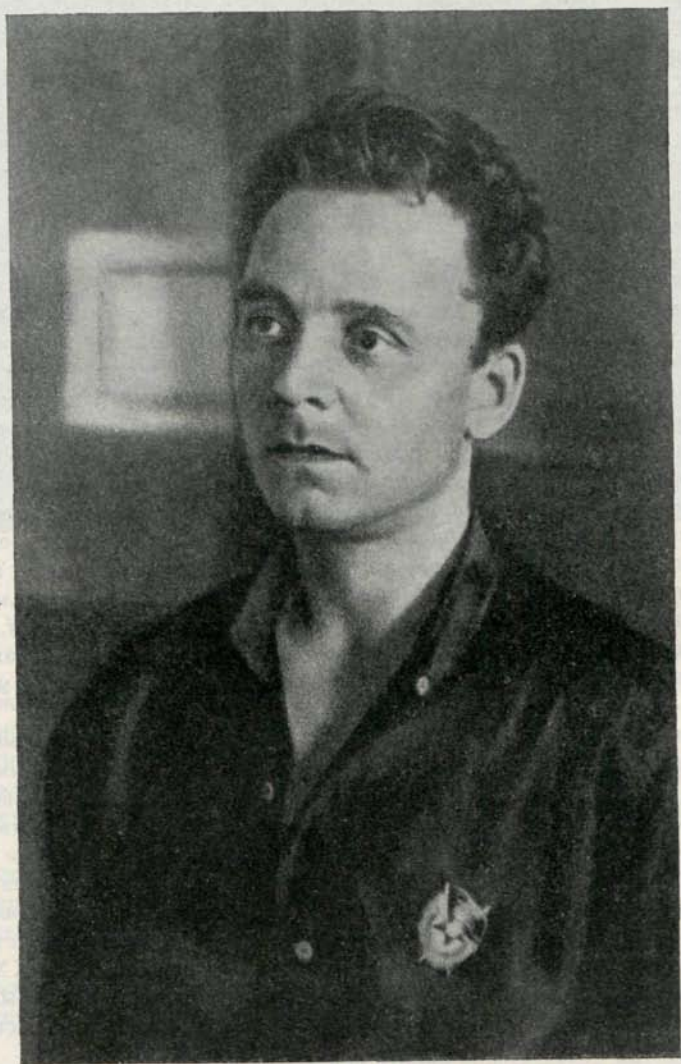
Конечно, нельзя считать, что дневниковые записи Бабеля — это «черновики» «Конармии». Если в «Конармии» имеется общая идея, концепция жизни и человека, то в дневнике — жизненные процессы порою схвачены в их далеко не типических проявлениях, в мелочах, противоречиях и т. п. Сам Бабель признавался: «Течет передо мною жизнь, а что она обозначает?» (запись от 4 июня 1920 г.). В дневнике множество натуралистических зарисовок, затемняющих основной смысл революционных событий.

Дневник, который писатель вел по горячим следам событий, разумеется, сыграл большую роль в процессе создания «Конармии». Отвечая на вопрос: «Как вы работали над своим произведением?» — Бабель вспоминал: «Во время кампании я написал дневник. К сожалению, большая часть его погибла. В дальнейшем я писал, пользуясь этим дневником...» (Отдел рукописей ИМЛИ).

Бабель, разумеется, пользовался своим дневником как живым свидетельством, как документом, отразившим его думы и настроения. Но «Конармия» — это произведение, в котором «переплавлены» первоначальные впечатления художника, отобрано наиболее характерное, типическое. В «Конармии» Бабель борется против натурализма дневника, против всего того, что искажает в нем революционную героикку. Писателю так и не удалось до конца преодолеть недостатки, связанные с неопределенностью и расплывчатостью его идейных позиций. И в «Конармии» он не сумел еще изобразить людей революции, коммунистов как носителей самых передовых идей эпохи. Однако новые материалы и здесь вносят некоторые дополнительные штрихи и оттенки в наше представление о Бабеле — художнике революции.

В этом отношении заслуживает внимания очерк писателя «Ее день», написанный во время гражданской войны и прославляющий одну из скромных участниц великих событий.

Обогащенным предстает перед читателем и творческий облик Артема Веселого как автора «Золотого чекана». Писатель, начавший свой творческий путь

Д. А. ФУРМАНОВ

Фотография, 1925 г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

с натуралистических и порой даже полудекадентских зарпсовок («Дикое сердце», «Реки огненные» и др.), а затем создавший суровые реалистические произведения, в своих стихотворениях в прозе выступает поэтом, большим мастером языка, тонким лириком, хорошо чувствующим и передающим движения человеческих сердец, и в то же время глубоко социальным художником, воспевающим мужество антифашистских борцов, выступающим против мещанской морали, против всего, что делает человеческую жизнь мелкой, серой, пошлой.

Если публикуемые материалы Фурманова и Бабеля обогащают наши представления о литературном процессе в первые годы после Октябрьской революции, то ранее неизвестные тексты Е. Петрова, В. Луговского и других писателей показывают, чем жили многие советские литераторы в предвоенный период, а также в годы, предшествовавшие историческому XX съезду партии.

В незаконченном романе Е. Петрова «Путешествие в страну коммунизма», работа над которым велась в конце 30-х годов, с публицистической страстью описываются события и люди 60-х годов нашего века, идет речь о проблемах, которые, по мнению писателя, будут волновать человечество после построения коммунизма в СССР. В своеобразной переключке между пьесой Фурманова, написанной в то время, когда коммунизм еще только зарождался, и романом Петрова, где торжествует дело, за которое гибли герои Фурманова, видна преемственность идей и образов советской литературы, созвучие эпох, объединенных общностью конечной цели.

Если же говорить о значении этого романа для более глубокого понимания творческого облика Е. Петрова, то бросается в глаза необычность жанра романа для Петрова-сатирика. Роман «Путешествие в страну коммунизма» раскрывает новые стороны дарования писателя, для которого коммунистический идеал был стимулом и знаменем в борьбе с пережитками прошлого в сознании и в быту советских людей. Разоблачение и отрицание во имя утверждения прекрасного будущего — это характерная черта для художника социалистического реализма. Об этом будущем Петров мечтал, к нему стремился.

Отдельные звенья в цепи идей и образов советской литературы своеобразно объединяются в книге В. Луговского «Середина века». По многочисленным вариантам и фрагментам книги, публикуемым впервые, можно проследить напряженную работу поэта над каждым словом и образом. Можно почувствовать его ответственность перед читателем, перед историей. Сам поэт определил характер и значение своей книги: «Она представляет собой „автобиографию века“, которая была пережита в душе рядового участника великих событий столетия. Действие перемещается из Советского Союза в Западную Европу, ведет героев через гражданскую войну, ~~нап~~, пятилетки к Великой Отечественной войне и заканчивается 1956 годом — временем после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Те мысли и идеи, которые были высказаны на XX съезде партии, несомненно оказали на книгу динамическое влияние» (В. Луговской. Раздумья о поэзии. М., 1961, стр. 25).

В раздумьях поэта над прошлым, настоящим и будущим страны, народа, каждого человека в отдельности, много интересного и поучительного. Поэт стремится не столько передать события, сколько раскрыть их «душу», их философский смысл; он стремится «обобщить время». И это ему удается. Со страниц книги встает наш век — радостный и суровый, с его великими делами и стремлениями, трагедиями и надеждами.

Публикуемые в настоящем томе варианты, планы и наброски, показывая напряженную работу выдающихся советских писателей над своими произведениями, многообразие приемов, которыми они пользовались в своем творчестве, вводят нас в лабораторию крупнейших мастеров слова.

Большой интерес представляют рукописи Горького, позволяющие проследить его работу над «Жизнью Клима Самгина», над пьесами «Фальшивая монета» и «Васса Железнова». Писатель углубляет, а иногда и переосмысливает характеры своих героев, придает им новые черты. Все это в полной мере обнаруживается при сопоставлении разных редакций пьес.

Интересна и поучительна подготовительная работа А. Толстого к трилогии «Хождение по мукам». В большом литературном наследии писателя записные книжки

А. Н. ТОЛСТОЙ В РАБОЧЕМ КАБИНЕТЕ

Фотография. Барвиха, 1941 г.

Литературный музей, Москва

занимают особое место. В них разбросаны ценнейшие наблюдения, эскизные зарисовки будущих образов, творческие планы.

Уже в скупой записи в книжке № 1 мы чувствуем напряженность исторической обстановки в России 1918 г., воспринимаемой художником образно, эмоционально, во всем сплетении политических и нравственных мотивов. Толстой отмечает:

«Город бился в лихорадке утопических идей.

Рабочие верили в скорое наступление всемирного коммунизма.

Деревня делила землю. С враждебным недоумением, со страхом поглядывала на город.

Возвращавшиеся фронтовики весь белый свет крыли матом.

Интеллигенция, не понимая размеров происходящего, с ужасом видела гибнущую Россию».

Нетрудно заметить, что из этой небольшой записи впоследствии выросли большие главы, сцены, эпизоды романа, рисующие события гражданской войны и судьбы народа в революции. Важно то, что уже здесь Толстым схвачен смысл происходящего в России, выражено понимание всей сложности исторической обстановки, в которой честные русские интеллигенты — Рощин, Телегин, Даша и Катя начинают свое «хождение по мукам».

Толстой, приступая к работе над трилогией, думал о том, чтобы изобразить «коренных» русских людей, их нравственную и духовную красоту, их страстные поиски истины. Раздумья писателя нашли отражение, например, в книжке № 3: «О русском человеке. Русского человека понять нельзя. О коренном русском человеке — книжки еще не написано. Разве только Аввакум...»

В этой же записной книжке имеются слова: «Мы, как птицы в урагане, мечемся по России...», «Прошлое погибло, погибло навсегда, Даша...», «Пусть приходят другие...». Здесь и боль по прошлому, и вера в будущее. Такими были герои Толстого, всем своим сердцем стремившиеся к большому человеческому счастью.

Поучительна творческая история романа А. Фадеева «Молодая гвардия». В архиве писателя сохранились первоначальные наброски почти всех глав романа. Их очень много. По ним можно проследить, как развивалась писательская мысль, как постепенно зарождались образы молодогвардейцев, как одни сцены заменялись другими.

Сопоставление первых вариантов глав с последующими редакциями романа показывает идейно-художественный рост писателя. В первоначальных вариантах еще много аморфного, неопределенного, незрелого. Фадеев ошибочно противопоставляет молодежь Краснодару взрослым, которых он изображает слабыми и растерянными перед лицом надвигающихся суровых событий. Под пером писателя Олег Кошевой, Ваня Земнухов и другие юноши вырастают в своеобразных «спасителей» народа, в отважных и смелых руководителей, которым все задачи по плечу.

Фадеев много внимания уделяет обрисовке своих героев. Со всеми подробностями воссоздаются характеры Олега Кошевого, Вани Земнухова, Ули Громовой, Любы Шевцовой, Жоры Арутюнянца, Ивана Туркенича и других. Писатель любит каждый из них и нередко приписывает им качества, отнюдь не свойственные их возрасту. Фадеев стремится показать в романе молодежь, воспитанную партией и Советской властью, молодежь мужественную, сознательную, способную постоять за интересы своей родины, своего народа.

Этим, очевидно, объясняется тот «перекосяк» в романе, который писатель почувствовал уже в процессе работы над ним и сумел его в значительной мере выправить. Но не до конца. После известной критики романа писатель пошел по другому пути и не избежал здесь некоторых крайностей: в окончательной редакции молодежь Краснодона в чем-то лишена самостоятельности.

В творческую лабораторию Э. Багрицкого помогают глубже проникнуть рисунки поэта (большая часть их впервые публикуется в томе). Они отнюдь не просто плюстрируют уже найденное поэтическое слово, а продолжают поиски образа в новых, самых неожиданных направлениях, средствами изобразительного искусства.

Интересен метод работы В. Луговского над своими поэмами из сборника «Середина века». В его записных книжках сохранились прозаические наброски известных поэм: «Москва», «Берлин, 1936», «Пер Лашез», «Дербент», «Город снов», «Снег» и других, в которых подробно раскрываются темы, волнующие поэта, и в зачаточном виде появляются образы будущих поэм. Например, в записной книжке поэта значатся всего лишь несколько строк, которые затем вырастают в великолепную поэтическую картину. Простой перечень лесных примет в «Шубе» («...сосны — рыжая, опавшая хвоя — рыжик — рыжие листья — белки — тропки — маленькие рыжие мужички — пилят сосновые иглы...») в «Сказке о дедовой шубе» «переплавляется» в чудесные стихи, в поэтическую сказку, глубоко волнующую читателя.

Прозаические записи Луговского — это своеобразный «эмоциональный конспект», в котором фиксируются не столько стиховые строки, строфы или тропы, сколько отдельные поэтические образы. Именно из них вырастает затем целостный крут образов, целостная поэтическая картина.

Особое место занимают в томе материалы по истории советской литературной критики, представленные неопубликованными статьями А. В. Луначарского. Эти статьи, освещающие разные вопросы развития советской литературы, во многом не потеряли своей актуальности для нашего времени. Луначарский, как известно, сыграл большую роль в теоретическом осмыслении процессов, происходивших в советской литературе 20-х годов, в период активного формирования в ней нового творческого метода. В статье «О социалистическом реализме» очень тонко ставится вопрос об эстетической природе творческого метода советского искусства, об активном, революционном характере литературы социалистического реализма, об идейной позиции художника, помогающего строить новый мир.

В статье «На фронте искусства» глубоко обнажаются корни реализма и формализма в художественном творчестве. Широтой охвата литературных явлений, глубиной мысли и тонким пониманием специфики искусства отличается работа Луначарского «Тезисы о политике РКП в области литературы». В ней по-ленински рассматривается вопрос об отношении к классическому наследию, о необходимости советским

А. А. ФАДЕЕВ

Рисунок С. М. Шор (карандаш), 1947 г.

Собрание художницы, Москва

литераторам учиться у классиков великолепному художественному мастерству, умению обобщать отдельные факты и явления действительности.

Горячо поддерживая молодую пролетарскую литературу, А. В. Луначарский с большим пониманием задач искусства в советском обществе пишет и о так называемых писателях-попутчиках. Он полемизирует с А. Воронским, с его оценками роли «попутчиков», но считает, что необходимо создать благоприятные условия для развития их творчества. «Нам нужна широкая, цветущая и многообразная литература<...>— пишет Луначарский,—все талантливое должно находить возможно более свободный доступ на книжный рынок».

Интересны мысли Луначарского об искусстве лефовцев, о перспективах развития пролетарской литературы, о литературной критике. Последней он придавал особое значение, подчеркивая ее общественно полезный характер. «Нам вновь нужны литературные критики,— пишет он,—никто не может обеспечить нам критиков калибра Белинского или Добролюбова, калибр от нас не зависит, но роль нашей критики должна быть вновь приблизительно такая, какой была роль этих учителей русской интеллигенции».

Статьи А. В. Луначарского о литературе и искусстве — большой вклад в марксистско-ленинскую критику и эстетику. Каждая новая публикация его работ обогащает нас не только познанием исторической обстановки, в которой они писались, но и вооружает теоретически для современной идеологической борьбы.

Настоящий том «Литературного наследства» — одно из первых начинаний систематической публикации архивных материалов по истории советской литературы. Вместе с ранее выпущенными томами, посвященными Горькому и Маяковскому, он вводит в историю советской литературы новые тексты, новые факты, позволяющие объективнее и глубже изучать ее.